

Максим Горький

**Письма начинающим
литераторам**

Максим Горький

**Письма начинающим
литераторам**

«Public Domain»

Горький М. А.

Письма начинающим литераторам / М. А. Горький —
«Public Domain»,

«Начинать рассказ „диалогом“ – разговором – приём старинный; как правило, художественная литература давно забракела его. Для писателя он невыгоден, потому что почти всегда не действует на воображение читателя...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Максим Горький

Письма начинающим литераторам

I

Начинать рассказ «диалогом» – разговором – приём старинный; как правило, художественная литература давно забрала его.

Для писателя он невыгоден, потому что почти всегда не действует на воображение читателя.

К чему сводится работа литератора? Он воображает – укладывает, замыкает в образы, картины, характеры – свои наблюдения, впечатления, мысли, свой житейский опыт. Произведение литератора лишь тогда более или менее сильно действует на читателя, когда читатель видит всё то, что показывает ему литератор, когда литератор даёт ему возможность тоже «вообразить» – дополнить, добавить – картины, образы, фигуры, характеры, данные литератором, из своего читательского, личного опыта, из запаса его, читателя, впечатлений, знаний. От слияния, совпадения опыта литератора с опытом читателя и получается художественная правда – та особенная убедительность словесного искусства, которой и объясняется сила влияния литературы на людей.

Начинать рассказ разговорной фразой можно только тогда, когда у литератора есть фраза, способная своей оригинальностью, необычностью тотчас же приковать внимание читателя к рассказу.

Вот пример. Летом этим на волжском пароходе какой-то пассажир третьего класса произнёс:

– Я тебе, парень, секрет скажу: человек помирает со страха. Старики они, конечно, от разрушения тела мрут...

Конца фразы я не слышал и человека – не видел; это было ночью, я стоял вверху, на корме, он – внизу.

Начинать рассказы речью такого оригинального смысла и можно и следует, но всегда лучше начать картиной – описанием места, времени, фигур, сразу ввести читателя в определённую обстановку.

В рассказе «Баба» я, читатель, не вижу людей. Какой он – Прохоров? Высокий, бородатый, лысый? Добродушный, насмешливый, угрюмый? Говорит он плохо, нехарактерно, стёртыми словами: «Баба останется бабой» – это пророчество следовало бы усилить словом «навсегда», чтобы чувствовалась устойчивость взгляда Прохорова на бабу. Для оживления смысла таких стёртых слов, – для того, чтобы яснее видна была их глупость, пошлость, – писатель должен искать и находить слова. Ему не мешало бы дать пяток, десяток насмешливых словечек, он мог бы назвать Анну «крысавица», вместо «красавица». Фраза автора: «Рабочий завода, проработав более сорока лет на одном заводе» – плохо сделана: слово «завода» – лишнее, «рабочий, проработавший» слишком рычит, проработать сорок лет «на одном заводе» многовато, была революция, была гражданская война, завод, наверное, стоял в это время. Там, где не соблюдается точность описаний, там отсутствует правда, а наш читатель правду знает. «Рубцы на спине» токаря нужно было объяснить, – рубцы могут быть результатом хирургической операции, чирьев, удара ножом в драке и, конечно, порки.

«Громогласно против» – эти слова как будто указывают, что Прохоров способен говорить довольно оригинально, «по-своему», на то же указывает и его привязанность к слову «стандартный». Но автор, намекнув на эту способность Прохорова, не развил её. Не сделал он этого потому, что смотрит на токаря не как на живого человека, а как на мысль, кото-

рую надо оспорить, опровергнуть. Писатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдёт, отметит и подчеркнёт характерную, оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т. д. Отмечая всё это, литератор помогает читателю лучше видеть и слышать то, что им, литератором, изображено. Людей совершенно одинаковых – нет, в каждом имеется нечто своё – и внешнее и внутреннее.

На картине встречи Анны следовало остановиться подробнее. Старые рабочие высмеивали Анну, конечно, больше и более ядовито, более насмешливо, чем это показано автором. Предубеждение против равноправия женщины в жизни и в труде коренится в самцах очень глубоко, даже и тогда, когда самцы «культурны». У нас оно, к чести нашей, менее резко выражено, чем, например, в Италии, Испании, Франции и в Германии; работа женщин во время войны и в тяжёлых условиях послевоенного времени несколько поколебала это древнее предубеждение. Но и у нас змея ещё не переменяла кожу.

У молодёжи, вероятно, было иное отношение к «бабе». Автор не ошибся бы, отметив у одного парня – желание понравиться Анне, приписав другому защиту её из желания противоречить старикам, заставив третьего побалагурить. Это очень оживило бы сцену.

Анну читатель не видит. Какая она: рыжая? высокая? толстая? курносая? Как ведёт она себя в этой сцене?

Не может быть, чтоб все сразу удивились и замолчали. Через несколько минут снова все удивляются, когда «забегал резец, обтачивая конусную шестерню с особыми причудами к какой-то машине». Читателю неясно: куда автор относит «причуды» – к процессу работы Анны или – к шестерне? И было бы лучше, если бы не «всякий видел уменье, ловкость» Анны, а видел это сам автор и сумел бы показать читателю. Анна «незаметно улыбалась» – для кого незаметно? Если автор заметил эту улыбку, – её должны были заметить и рабочие, тогда она послужила бы поводом для кого-нибудь из них отозваться на эту улыбку так или иначе и этим снова оживить сцену. Улыбка была бы оправданна, если б автор подробнее и картинно изобразил уверенность и ловкость работы Анны.

Эту сцену тоже следовало развить, расширить, показать читателю настроение Прохорова, его боязнь «осрамить» себя. Он должен был или усилить своё отрицательное отношение к бабе, или же, наоборот, – сконфуженно, мимоходом сказать ей несколько слов в таком смысле: «Не выдай, не подгадь!» Это он мог бы сказать ей с глазу на глаз, а при товарищах – повторить своё: «Баба и останется бабой».

«Смертельно раненный волк» и «вонзить зубы в врага» – эти слова совершенно неуместны и не украшают рассказа. Они – не в тоне рассказа, потому что крикливы. Рассказ вообще весь написан небрежно, без любви к делу, без серьёзного отношения к теме. Язык автора – беден. В двух фразах автор трижды говорит: «с напряжением работая», «напрягая все силы», «напрягая силы», это – плохо. На той же странице волк «напрягает последние силы».

«Как ни в чём не бывало прошло два месяца» – что это значит? Два месяца времени ни на кого и никак не влияли, ничего не изменили? Даже часа нет такого, который не внёс бы в жизнь нашу каких-то изменений.

«Праздношатаи гремели раскатистым смехом, посылая по его адресу всевозможные остроты». По адресу смеха?

«Бывает, что и баба дело знает и мужику рекорд побивает», – такой «старой русской поговорки» – нет. Рекорд – слово нерусское и новое. «Пришкандыбал» – слово уместное в речи, но не в описании, да и в речи не следует часто употреблять такие словечки, – язык наш и без них достаточно богат. Но у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звукосочетания: вши, шпа, вшу, ща, щей. На первой странице рассказа вши ползают в боль-

шом количестве: «прибывшую», «проработавший», «говоривших», «прибывшую». Вполне можно обойтись без насекомых.

Тема рассказа – очень значительна и серьёзна, однако, как уже сказано, автор этой значительности не чувствует. Разумеется, редакция отнюдь не ставит этого в вину ему, – у нас даже признанные и даровитые литераторы то и дело сторяча компрометируют, портят, засоряют очень важные и глубокие темы хламом торопливых, непродуманных слов. Тема рассказа «Баба» – один из эпизодов массового и властного вторжения женщин во все области труда и творчества, на все пути строительства новой культуры, нового быта. Сказано: «Без активного участия женщины невозможно построить социалистическое государство». Это – неоспоримая истина. Она обязывает искреннего социалиста изменить своё, всё ещё древнее и не только пошлое, но и подлое отношение к женщине как существу, которое «ниже» мужчины. Эта оценка женщины особенно усердно и успешно вкоренялась в сознание людей обоёго пола церковью, монашеством.

Существует только одно и чисто зоологическое основание для такого предрассудка: во всём животном мире самец – за некоторым ничтожным исключением – физически сильнее самки. Других оснований для «унижения» женщины – нет. Талантливых и «великих» женщин меньше, чем таких же мужчин, лишь потому, что, как известно, женщины не допускались к общественной работе. Но вот мы видим, что женщины горных племён Кавказа, туземных племён Сибири, Средней Азии, Китая, – женщины, которые ещё вчера считались только рабынями и почти рабочим скотом, сегодня обнаруживают способности к работе культурно-революционной.

Факт массового вторжения женщины во все области труда, создающего культурные ценности, может и должен иметь глубочайшее значение уже потому, что, веками приученная к мелкой и точной работе, она окажется более полезной в тех производствах, которые требуют именно строгой точности и куда внесёт своё, тоже веками воспитанное в ней, стремление украшать.

Писатель обязан всё знать – весь поток жизни и все мелкие струи потока, все противоречия действительности, её драмы и комедии, её героизм и пошлость, ложь и правду. Он должен знать, что каким бы мелким и незначительным ни казалось ему то или иное явление, оно или осколок разрушаемого старого мира, или росток нового.

Автор рассказа «Баба» не знает этого, так же как и автор новеллы «Любовь».

Не совсем понятно, зачем автор этот наименовал свой рассказ «новеллой». Новелла – краткая повесть и требует строго последовательного изложения хода событий. «Любовь» – не удовлетворяет этому требованию. Так же, как «Бабу», её начинает неудачная фраза – вопрос забойщика.

«Вы знаете и, наверное, помните». Один из глаголов этой фразы лишний: то, что мы знаем, мы помним, а того, что нами забыто, мы уже не знаем.

Вопрос забойщика остаётся без ответа, автор начинает описывать место, где сидят забойщик и его слушатели. Сидят они в «нарядной»; для читателя, незнакомого с работой шахтера, не сразу ясно: что такое – нарядная? Можно рядиться в праздничное платье и – на работу. Писать следует точно и обязательно избегать употребления глаголов двоякого значения. Последовательность изложения немедленно, вслед за вопросом забойщика, прерывается спором о любви, и весь этот спор, вплоть до начала рассказа Черенкова, – совершенно не нужен, ибо ничего не дает читателю.

Этот автор грамотнее и бойчее автора «Бабы». Но всё же лучше писать «в шинелях английского покроя», чем «в английского покроя шинелях».

Забойщик Черенков рассказывает о некоем чрезмерно удачливом Мише, который совращает четыре роты – батальон – белых солдат, «сводит с ума всех мобилизованных солдат и даже добирается до младшего офицерского состава».

Читатель должен бы восхищаться подвигами Воронова, но – читатель сомневается.

«Гм? Белое офицерство было весьма натаскано в политике. Существовал „Осваг“ („Осведомительное агентство“ – контрреволюционная белогвардейская разведка.) Любой белый офицер должен бы прекратить Мишу...»

Но когда читатель знакомится, как Миша повёл себя с девчонкой, подосланной контрразведкой для уловления его, и как бездарно вела себя эта контрразведка, – читатель ощущает желание сказать автору:

«Ты – ври, но так, чтоб я тебе верил».

До конца эта «новелла» дочитывается с трудом. В конце к «новелле» пристроена мораль, или, как говорит забойщик Черенков, – «соль». «Отдавать за любовь, за женщину всё – партию, товарищей, революцию – глупо и недопустимо в такой же степени, как и безобразно».

В разных вариантах мораль эта повторяется автором трижды. Пишет автор бойко – но небрежно. Примеры: «...она закатывала такие истерики и так вопила, что он» – прятался от неё, кричал на неё? – Нет: «что он лишил её блестящего заработка и теперь, мол, должен содержать её, что он и мысли о том, чтобы бросить её, забывал».

Это непростительно небрежно.

«Мы молчали, собираясь с мыслями и оценивая правильность завязавших спор сторон».

Автор достаточно грамотен и, конечно, сам заметил бы погрешности языка, если бы относился к делу с должным увлечением. Но увлечения делом, любви к нему не чувствуется у автора «новеллы», пишет он «с холодной душой». В форме очень наивной он поставил вопрос: что значительнее – личное счастье единицы или историческая задача рабочего класса – революция, строительство нового мира? Автор не показал, как сам он «оценивает правильность завязавших спор сторон», он вообще ничего не показал, и этим вызывается у читателя такое впечатление, что большой вопрос поставлен автором равнодушно и только из любопытства или «от скуки жизни». Мне кажется, что, пожалуй, вернее всего – последнее. В недоброе старое время большие вопросы довольно часто ставились «от скуки жизни». Например, знакомый мой лесник говорил мне: «Сижу я тут в сторожке, как сыч в дупле, людей вокруг – ни одной собаки, днём выплещись – ночью не спится, лежишь вверх носом – звёзды падают чёрт их знает куда!»

И – спрашивал:

– А что, брат, ежели звезда на рожу капнет?

В другой раз он же заинтересовался:

– Не нашли средства покойников воскрешать?

– Зачем тебе покойники?

– У меня тётка больно хорошо сказки рассказывала, вот бы мне её сюда!

Было ему в ту пору лет пятьдесят, и был он так ленив, что даже не решился жениться, прожил свои годы холостым.

Такие люди, как тот лесник, встречались нередко, писатели-«народники», считая их «мечтателями», весьма восхищались ими. На мой взгляд – это были неизлечимые бездельники и лентяи. С той поры прошло четыре десятка годов, и вот, уже в двенадцать лет рабочий народ страны нашей встал на ноги, взялся за великое и трудное дело создания социалистического государства, постепенно разрушает старое, творит новое, жизнь полна драм, полна великих и смешных противоречий, явились новые радости, и ползают по земле нашей тени радостей. Новые скорби; для многих – старое дорого и мило, новое непонятно и враждебно, люди горят и плаваются, растёт новый человек. Странно, что в такие дни живут люди, способные писать равнодушные «новеллы» и ставить вопрос: что лучше – вся жизнь, со всем

разнообразием её великих задач, её драм и радостей, или жизнь «с хорошей бабой», с бабой, ради которой «ничего не жалко»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.